

Глава 20. Цыгуан

С самого утра Сюй Чунь, подгоняя коня, отправился к речному порту. Предчувствие его не обмануло: еще издали он заприметил огромные корабли семейства Шэн, медленно входящие в гавань. Шэн Ань во главе целой свиты из приказчиков и управляющих уже всюду распоряжался на пристани: нанимал грузчиков, договаривался с портовыми маклерами и готовил подводки для товаров.

Вскоре один из слуг примчался к Сюй Чуню с докладом:

— Старший господин Чжоу прибыл!

Сюй Чунь спешился и замер в ожидании. Минуло совсем немного времени, и к нему подкатила вереница экипажей. Слуги бросились открывать дверцы, и из первой кареты вышел молодой человек лет двадцати пяти. С пронзительным взором и четким разлетом бровей, облаченный в темно-лиловое одеяние, он не слепил глаза избыточной роскошью, однако в каждом его жесте чувствовалась природная степенность и достоинство.

Сюй Чунь, не помня себя от радости, бросился навстречу:

— Брат Чанчжоу!

Шэн Чанчжоу подхватил его под руки, не давая повалиться, и рассмеялся:

— Гляди-ка, снова вытянулся! А вот степенности ни на грош не прибавилось.

Сюй Чунь вцепился в рукав брата, сияя, как начищенный медный таз:

— Брат, как же ты в столице оказался? А Чанъюнь и Чантянь? Почему они не приехали? Как здоровье дедушки?

Чанчжоу лишь качал головой, улыбаясь:

— Столько вопросов — на какой отвечать первым? Ладно, сперва нанесу визит тетушке, а после закачу пир в твою честь, там и наговоримся.

— Матушка уже всё знает, — возразил Сюй Чунь. — Она велела передать, что в резиденции сейчас слишком много хлопот, так что тебе лучше пока устроиться на стороне. Позже она выберет время, чтобы официально представить тебя старшим в доме. А еще матушка сказала: раз дедушка отправил тебя в столицу так спешно, значит, дело серьезное. В поместье лишних ушей полно, так что лучше сперва расскажи всё мне. Что смогу — улажу сам.

Шэн Чанчжоу удивленно приподнял брови, окинув кузена внимательным взглядом, и в глазах его промелькнула теплота:

— Вижу, наш Юлинь и впрямь повзрослел, раз готов делить тяготы с матерью. Что ж, едем в башню Хуэйфэн, я там остановлюсь. Заодно передам подарки для тебя и тетушки. Если везти их сразу в резиденцию князя — выйдет слишком много шума. Найди место на стороне, где сможешь их припрятать.

Юлинь — это детское имя, дарованное Сюй Чуню старым главой рода Шэн. В свое время старик Шэн молился в храме Тяньхоу о благополучном разрешении дочери от бремени, и ночью ему привиделся сон: богиня уронила из облаков золотую чешуйку, сияющую небесным светом. Спустя несколько дней пришло письмо из столицы: родился внук-наследник. Время рождения точь-в-точь совпало с чудесным сном. Старик счел это великим знамением и нарёк мальчика Юлинь — «Мал кроха-дракон». В княжеской резиденции старая госпожа это имя невлюбила и запретила поминать его вслух, так что лишь родня по линии Шэн продолжала так называть Сюй Чуня.

Услышав ласковое прозвище, Сюй Чунь почувствовал, как к сердцу подступило тепло. Он сноровисто заскочил в седло:

— Едем!

Всадники пустили коней бок о бок и вскоре миновали городские ворота. Башня Хуэйфэн была собственностью семьи Шэн, и Чанчжоу, редко баловавший столицу визитами, должен был первым делом разобраться с привезенными на кораблях товарами.

Пока слуги накрывали стол, Шэн Чанчжоу увел брата вглубь покоев для приватной беседы.

— Слышал я, — начал он, — что ты намедни пожертвовал сто тысяч лангов серебра, дабы выхлопотать для тетушки титул дамы первого ранга.

Сюй Чунь смущенно кашлянул:

— Так вышло... Посадил иву ради тени, а она возьми и зацвети.

— Оно того стоило, — веско произнес Чанчжоу. — Богачей в поднебесной пруд пруди, а титул за одни лишь деньги не купишь. Дед был вне себя от восторга, велел мне по приезде как следует тебя похвалить.

— А дедушка, дядя и тетя? Как их здоровье?

— Все в добром здравии. Но привело меня сюда иное. Едва мы отпраздновали пожалование титула тетушке, как из резиденции губернатора области Минь и из Управления по морской

торговле пришли указы. Семью Шэн официально назначили императорскими купцами, поставщиками Управления императорского двора. Теперь мы обязаны снабжать заморскими диковинами самую августейшую фамилию.

Сюй Чунь радостно воскликнул:

— Да неужели! Это же великая удача! Императорские купцы освобождаются от множества налогов!

Чанчжоу, однако, не разделял его восторга. Лицо его оставалось серьезным:

— Верно. Нам даже выделили серебро на закупки — правда, всего сто тысяч лангов в год. Но ценны не деньги, а само звание. Оно дает право не платить пошлины на перевозки, освобождает от портовых сборов по всей стране. Мы прикинули: раньше морским торговцам было невыгодно возить товары вглубь материка из-за грабительских налогов, а теперь... выгода падает прямо с небес. На одних только дорожных сборах мы сэкономим десятки тысяч. Не говоря уже о том, что местные чиновники станут шелковыми — им больше не нужно кланяться и подмазывать на каждом шагу.

Он сделал паузу, глядя в глаза брату:

— Но вот в чем загвоздка: с чего бы такая милость свалилась именно на голову семьи Шэн? Дед ума не приложит, в чем причина. Он заподозрил, что тетушка в столице приложила руку и связи, вот и отправил меня разузнать правду.

Сюй Чунь опешил:

— Не думаю, чтобы матушка что-то предпринимала... Мы ведь старинный род морских торговцев, разве мы не заслужили право быть поставщиками двора?

Шэн Чанчжоу коротко рассмеялся, и в смехе этом слышалась горечь:

— Полно тебе, братец, это детские речи. Звание императорского купца не дают таким, как мы — людям без корней и связей в верхах. Его жалуют лишь тем, чьи предки заслужили милость престола веками службы.

Он увлек Сюй Чуня за стол, куда слуги уже начали подавать одно блюдо за другим.

— Возьмем нашу область Минь. Там всё схвачено: жемчуг поставляет семья Фань, чай — семья Чжан, морепродукты — семья Бао. Это монополия. Прочим остаются лишь крохи: аптекарское сырье да пушнина, и то под присмотром этих трех семей. Нас же, морских торговцев, вечно клеймят «и купцами, и разбойниками». Репутация дурная. Пусть обороты у нас больше, и те же семьи Фань и Чжан закупают товар у нас, но к делам двора нас и близко не подпускали.

Морская торговля приносит барыши, но налоги на нее непомерные. То и дело приходится откупаться от повинностей, от снаряжения ополчения против пиратов... Чуть не угодишь местному чинуше — и на тебя вешают ярлык «пособника разбойников» или «содержателя частной армии». А это либо разорение, либо плаха для всей семьи.

Суй Чунь не раз слышал подобные сетования от деда, а потому попытался утешить брата:

— Но ведь в последние годы мы всё активнее торгуем на материке? Наши лавки в столице приносят стабильный доход.

Чанчжоу покачал головой:

— Если бы не это, разве дед согласился бы выдать тетушку замуж в княжеский дом? Лишь благодаря этой связи в столице мы смогли вздохнуть свободнее. И вдруг — императорский заказ. Мы навели справки: губернатор области Минь и те три семьи — Фань, Чжан и Бао — сами в полном неведении. Приходили к нам, выспрашивали, как мы умудрились обставить их. Дед им правды не открыл. Он лишь сказал моему отцу: «Похоже, дочь в столице что-то предприняла». Вот меня и отправили в погоню за ответами. Дед переживает: во-первых, нельзя допустить, чтобы тетушка тратила свои средства ради семьи — всё, что положено заплатить за звание, мы возместим. А во-вторых... нужно понять, кто из сильных мира сего оказал нам такую милость. За столь щедрым даром всегда кроется чей-то интерес.

Суй Чунь погрузился в раздумья.

«Могла ли матушка повернуть такое? Вряд ли. В столице её долгое время чурались в высшем свете из-за отсутствия титула. И пусть теперь титул есть, настоящих связей у неё пока не прибавилось. Разве что... кто-то положил глаз на несметные богатства рода Шэн?»

Опасения деда были не на пустыре. Внезапная милость часто оборачивается кабалой. Если семья Шэн окажется втянута в опасную игру, не лучше ли вернуть долг чести как можно скорее? Понятно теперь, почему прислали старшего внука — другие не имели бы власти решать, а глава рода привлек бы слишком много внимания.

Суй Чунь нахмурился, и вдруг его осенило. Он нерешительно произнес:

— Постой... не так давно я послал шкатулку с редкими заморскими красками наследнику князя Шуня. Тот был в полном восторге. Неужто это его рук дело?

— Наследник князя Шуня? — Чанчжоу нахмурился еще сильнее.

— Брат, ты боишься связей с императорской кровью?

— Наш брат — купец — птица видная, но хрупкая, — вздохнул Чанчжоу. — Чиновник словом

может нас раздавить, а уж гнев Небес... Сколько славных родов, купавшихся в золоте, обратились в прах в одночасье? Дед боится, что тетушка в столице осталась без защиты, а ты еще слишком юн...

Он замялся, но Сюй Чунь подхватил мысль на лету:

— Дедушка боится, что матушку и меня заманят на тонущий корабль. Что нас втянут в борьбу за престол, и тогда беды не миновать.

Чанчжоу замолчал, пораженно глядя на него, и наконец выдохнул:

— Юлинь и впрямь вырос.

Сюй Чунь улыбнулся и доверительно коснулся руки брата:

— Мы одной крови. Разве могу я забыть, сколько заботы мы с матерью видели от семьи? Я не допущу, чтобы род Шэн пострадал. Не тревожься, я разужнаю всё. Найду способ повидаться с молодым князем и прощупаю почву. Если это его заслуга — мы найдем, чем отплатить, и вежливо откажемся от этой сомнительной чести быть императорскими поставщиками.

Шэн Чанчжоу смотрел на кузена, не узнавая его. Они не виделись несколько лет; в прошлую встречу перед ним был сущий ребенок, а теперь — рассудительный юноша, знающий цену словам. Когда дед с отцом обсуждали внезапное возвышение, они надеялись, что это благословение тетушки, но опасались, что оно станет проклятием. Чанчжоу отправили в столицу с наказом: говорить осторожно, чтобы не обидеть тетушку, и вместе с Сюй Чунем выведать, чья тень стоит за этим указом.

Он приготовил тысячи слов, гадая, как подступиться к разговору, а оказалось, что «гуляка и повеса» Сюй Чунь схватывает всё на лету.

— Не зря дед твердил, что наш Юлинь сообразительнее всех троих братьев вместе взятых, — с восхищением произнес Чанчжоу. — Он говорил: «Будь дочь мужчиной, еще неизвестно, кому бы досталось место главы рода». Я раньше не верил, а теперь вижу — талант твой истинно высок.

Сюй Чунь прыснул со смеху:

— Брат, ну что ты меня дурманишь своими речами! Оставь эти купеческие уловки для рынка, а то я, чего доброго, возгоржусь и улечу в облака — кто меня тогда за пятки ловить будет?

Чанчжоу тоже рассмеялся и крепко сжал ладонь брата:

— Ты всё верно понял. Дед и отец велели передать: что бы тетушка ни сделала ради семьи — мы ей бесконечно благодарны. Пока статус императорского купца приносит нам лишь пользу, но если за ним скрывается ловушка — мы найдем способ ускользнуть. В этом мире всё — лишь сделка. У любого дела есть своя цена. Главное — нащупать дно. А в самом крайнем случае... что ж, у нас всегда есть корабли, чтобы уплыть за океан в поисках иного рая.

— Раз ты здесь, мне бояться нечего, — отозвался Сюй Чунь. — Поживи в столице подольше. Сейчас каникулы, в академии занятий нет. Я обязательно докопаюсь до истины и успокою дедушку.

После сытного обеда братья отправились осматривать привезенные дары. Ими была заставлена целая зала.

— Тут подарки от деда, от моих родителей, от всей родни — на каждом свертке имя отправителя, — пояснял Чанчжоу. — Вот эти два ящика — от Чантяня и Чанъюня, они туда всякой всячины накидали, сами разберетесь. Эти сундуки — лично для тетушки, а те, что побольше — для старой госпожи в резиденции, для твоего отца и прочих старших. Пусть матушка сама решит, как их преподнести. А теперь глянь сюда...

По его знаку двое слуг принялись открывать ящики, демонстрируя содержимое. Полдень был в самом разгаре, яркое солнце заливало двор, и в этом свете коралловые деревья, люлиевые ширмы, россыпи драгоценных камней и изделия из тончайшего фарфора сияли так, что больно было смотреть.

Но взгляд Сюй Чуня приковала вещь, висевшая особняком на стойке. Это была легкая меховая накидка нежно-золотистого цвета. На солнце мех переливался, точно вода, в которую упал солнечный луч — волосок к волоску, мягкий, сияющий блеск. Сюй Чунь подошел ближе и коснулся его. Мех оказался невероятно легким, плотным и шелковистым, но он и представить не мог, какому зверю он принадлежал.

— Глаз-алмаз, — одобительно хмыкнул Чанчжоу. — Это мех цыгуана. Говорят, он не намокает в воде и не горит в огне. Редчайшая штука.

— Эту оставь мне, — решительно прервал его Сюй Чунь. — Не вноси в общий список. Упакуй отдельно — я хочу её подарить.

Чанчжоу понимающе улыбнулся:

— Эта шубка хороша своей яркостью, к лицу лишь молодым. Неужто у нашего Юлиня дама сердца появилась?

Сюй Чунь лишь загадочно усмехнулся. Чанчжоу, видя, что тот не отрицает, пришел в совершенный восторг:

— Неужто и впрямь? Чья же это дочь? Тетушка знает? В твои-то годы самое время о помолвке думать. Может, мне завтра шепнуть тетушке словечко?

Сюй Чунь поспешно замахал руками:

— Ой, только не это! Начнет еще мне в покои девиц подсовывать... Понимаешь, брат... кажется мне, что не по душе мне женщины.

Чанчжоу застыл как громом пораженный, а затем лицо его налилось гневом:

— Это те двое оболтусов, Чанъюнь и Чантянь, тебе голову всякой дурью забили?! Куда они тебя водили, в какие притоны?! Вот вернусь, доложу деду — пусть из родового храма не вылезают, пока колени не сотрут!

— Да не виноваты они! — взмолился Сюй Чунь. — Не водили они меня никуда, я сам так решил. Брат, не сердчай, я сам во всем разберусь.

Он глянул на небо: время поджимало, девятый брат обещал заняться с ним науками.

— Поздно уже, мне пора. Поговорю с матушкой, а завтра приеду за тобой, отвезу в резиденцию. Насчет императорских купцов не горюй, я всё выведаю.

Махнув на прощание рукой, он подхватил сверток с драгоценной накидкой и вихрем вылетел вон.

Шэн Чанчжоу лишь вздохнул, глядя ему вслед:

— Только-только решил, что он взрослый, а он опять за свое — несется, будто пятки горят.

Однако мысль о том, что кузену не милы женщины, не давала ему покоя. «Знает ли тетушка? Куда смотрят эти четыре олуха — Чуньси, Сячао, Цюху и Дунхай? Ох, устрою я им допрос с пристрастием...»

<http://bllate.org/book/16990/1585245>